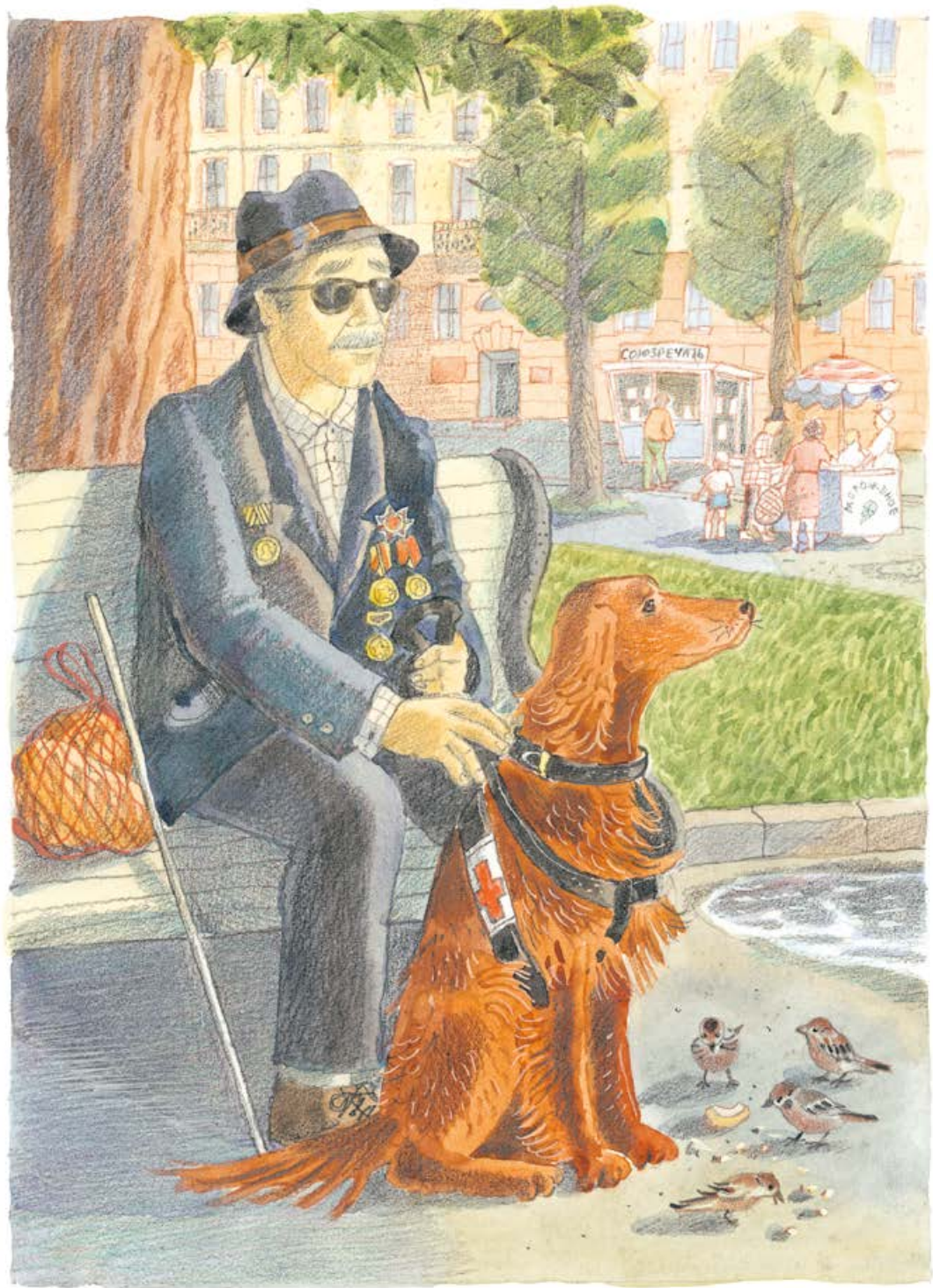

• Валерий Воскобойников •

Девочка, мальчик, собака

МОСКВА
«ЛАБИРИНТ ПРЕСС»
2021

Замечательный рыжий сеттер

Возможно, это была самая умная и самая красивая собака в городе. Она водила по улице Пархоменко слепого человека. У человека на пиджаке были старые, потускневшие ордена, и Оля каждый раз, когда встречала его, думала, что слепым он стал, конечно, во время боя.

Человек и собака шли по улице не торопясь. Собака чуть впереди — рыжий ирландский сеттер, шерсть его отливала тёмным золотым блеском. На спине у собаки были специальные ремни, и на правом — красный крест, чтобы все знали, что собака эта не простая, а жога-тый, поводырь слепого.

У человека было большое и доброе лицо, он шёл рядом с собакой, иногда что-то тихо ей приговаривая.

Собака подводила своего хозяина к булочной и спокойно сидела у крыльца, пока хозяин покупал батон и круглый хлеб. Потом она вела его к другому магазину, где продавались крупы и колбаса, потом к газетному киоску. Там они переходили улицу. Если ехала машина, собака садилась — пережидала.

Однажды, когда поперёк их улицы рабочие вырыли траншею, Оля увидела, как собака села у этой траншеи и не двинулась с места. Слепой человек что-то сказал ей тихо, погладил за ухом, и собака повела его в обход к деревянным мосткам.

Дальше они шли к школе и там отдыхали у высокого клёна.

Из школы появлялась девочка-первоклассница. Вскидывая ранец за спину, она подбегала к ним, целовала собаку в нос, брала слепого за руку, и назад они шли втроём.

Однажды Оля вышла из дома и увидела, что слепой человек идёт по улице один, без собаки, неуверенно щупая асфальт впереди себя палкой. «А собака заболела», — подумала Оля.

Собаки не было на другой день и на третий. И слепой человек тоже стал появляться на улице всё реже.

Несчастье

У Оли была двоюродная сестра Саша. Они родились в один год, в один месяц и даже в один день. И праздновали день рождения по очереди — то у Оли, то у Саши.

Оля любила Сашин дом. Он стоял на Владимирском проспекте рядом с театром. На театре всегда висели афиши, вечером их часто разглядывали люди. Оля тоже любила их разглядывать. Сашины окна были под самой крышей. Чтобы их увидеть, надо было перейти на другую сторону проспекта и задрать голову. И тогда поймёшь, какой это интересный дом: по три окна-фонаря сбоку и одно — большое — посередине. Большой фонарь — это Сашин, два по бокам тоже её.

Оля перебежала на другую сторону проспекта, а Саша открыла большое окно, замахала рукой и закричала через проспект:

— Оль! Не туда! Сюда, сюда!

Была весна, было тепло, всюду мыли окна и ходили уже без пальто. И крикнуть собственной двоюродной сестре, что она пошла в булочную не в ту сторону, — одно удовольствие.

Оля приехала в гости к Саше. Но тут неожиданно обнаружилось, что в доме кончился сахарный песок, и Оля вызвалась за ним сбегать. Ей стали объяснять, где булочная, но она и сама

знала, что булочная почти на углу Владимирской площади. А на другую сторону перешла просто так, чтобы полюбоваться на Сашины окна-фонари.

И тут с ней случилось несчастье.

Подбежали трое и сразу:

— Девочка, девочка, иди сюда быстрее! Иди быстрее, тут такой прикол!

Ещё понятно, когда к тебе пристают мальчишки, а то ведь девчонки — такие же, как она, из четвёртого или пятого класса!

— Зачем? — спросила растерянно Оля и всё-таки пошла за ними в парадное.

— Сейчас, сейчас, — сказала одна из троих, самая высокая. Они прошли через первые двери, около вторых — больших, с матовым стеклом, Оля было приостановилась, но тут её подтолкнули вовнутрь, к лестнице.

— Сейчас, сейчас увидишь, — хихикнула самая толстая.

И за Олей мгновенно захлопнулась дверь со стеклом. Тут же девчонки задвинули засов. Оля очутилась одна на полутёмной лестнице.

«Подумаешь, — решила она, — поднимусь по лестнице, открою другую дверь и выйду через чёрный ход. А если нет чёрного хода, кто-нибудь из жильцов пойдёт и откроет засов».

Оля так и сделала: поднялась, дёрнула другую дверь, но та не поддавалась. Она дёрнула сильнее — дверь была заперта.

А внизу за матовым стеклом три девчонки, кривляясь, запели противными голосами:

— Обманули дуру, длинную фигуру! Обманули дуру, длинную фигуру!

Оля бросилась было вниз, задёргала изо всех сил дверь со стеклом, закричала громко:

— Откройте! Откройте, слышите! Открывайте быстро!

Но девочки в ответ запрыгали ещё радостней.

И тут Оля вспомнила, как смотрела на этот дом из Сашиного окна и ещё удивлялась, что в доме выбито несколько стёкол. А Саша объяснила:

— Он на капитальном ремонте, там никто не живёт.

Только теперь Оля поняла, что она в полной власти этих девчонок. Захотят — откроют и выпустят, а захотят — уйдут и оставят неизвестно на сколько времени, даже на ночь могут.

Девчонки так и сделали — захотели и ушли. А Оля осталась одна на пустой лестнице из четырнадцати ступенек.

Она ещё надеялась, что девчонки вернуться и потребуют что-нибудь, какой-нибудь выкуп например. Строила планы, как она обманет их: пообещает выкуп, выскользнет из двери и бегом через проспект. Но девчонки и за выкупом не возвращались.

Сначала Оля просто стояла у стены и плакала от бессильной злости и унижения. Несколько раз

она подходила к запертым дверям и дёргала их: надеялась, вдруг ей просто показалось, что двери заперты, а сейчас они откроются, поддадутся.

Но запоры не поддавались.

Потом она устала стоять и села на каменную ступеньку. Лестница была холодная, и Оля быстро поднялась. С улицы из-за двух дверей иногда доносился шум трамвая, грохот тяжёлых грузовиков, потом снова становилось тихо. Она пробовала считать, досчитала до трёх с половиной тысяч и сбилась. Однажды послышалось завывание милицейской машины, и Оля обрадовалась: вдруг это её ищут родители вместе с милиционерами. Но свисток больше не повторялся.

Наконец, когда у неё уже не было сил на то, чтобы плакать, когда она перестала вслушиваться в уличный шум и даже надеяться на спасение перестала, а впала в странную полудрёму, в этот миг уличная дверь неожиданно грохнула.

Оля вздрогнула от этого грохота и в первый момент особой радости не почувствовала — может быть, испугалась.

Кто-то затопал ко второй двери, с узкими матовыми стёклами, остановился, вздохнул и стал открывать засов.

Оля стояла, прижавшись к стене, и было ей по-прежнему страшно.

Но когда дверь открылась, она неожиданно

для самой себя бросилась к ней и увидела мальчишку. Оля натолкнулась прямо на него, и мальчишка чуть не бухнулся вниз, а потом с удивлением и испугом на неё посмотрел.

Оля прыгнула быстрее к уличной двери, приоткрыла её, а мальчишка продолжал смотреть на неё, как на сумасшедшую.

— Ты чего запираешься? — спросил он.

И тут Оля догадалась: конечно, этот мальчишка в потрёпанной синей нейлоновой куртке из той же девчоночьей компании. Они заперли, поиздевались в своё удовольствие, потом он открыл, а они рядом где-нибудь в подворотне продолжают хохотать.

И теперь, когда ясно стало, что она на свободе, потому что уличная дверь была приоткрыта, кругом был свежий вечерний воздух, горели фонари, а напротив театра люди рассматривали освещённые афиши, к Оле пришла злость на тех девчонок и на этого мальчишку. Вон как он виновато смотрит! Понял свою подлость!

— Я сейчас... я сейчас... в милицию тебя отдам! — сказала вдруг Оля решительным голосом, и даже сама удивилась этой своей смелости.

А тут как раз на другой стороне улицы появились папа и милиционер.

— Папа! — крикнула Оля через улицу по-прежнему смелым голосом. Папа услышал. Оглянулся удивлённо, увидел Олю, сказал что-то мили-

ционеру, и они побежали через трамвайные пути.

— Нашлась! — Папа схватил её за руку, но лицо у него всё ещё оставалось взволнованным. — Ну куда ты потерялась, дочка!

— Это он! Он вместе с девчонками меня запер! — Оля показала на мальчишку, стоявшего в дверях и глядевшего на них с удивлением.

— Никуда я тебя не запираю, — тихо проговорил мальчишка, глядя в землю.

— Не может этого быть, — сказал милиционер странно спокойным голосом, а потом кивнул мальчишке: — Антон, ты не видел, кто это сделал?

